

САНДОРМОХ:
драматургия
СМЫСЛОВ

Ирина Флиге

Санкт-Петербург, 2019

ББК 66.3(2Рос)
Ф-72

Флиге И.А.

Ф-72 Сандормох: драматургия смыслов. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 208 с., ил.

ISBN 978-5-446-91564-4

Эта книга рассказывает о том, как многолетний поиск следов «пропавшего этапа» — 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения, вывезенных с островов в октябре 1937 и бесследно пропавших, — привел к открытию крупнейшего на Северо-Западе России захоронения расстрелянных жертв Большого террора 1937–1938. Но история этим не завершилась, а только началась: вокруг созданного здесь мемориального кладбища завязался тугой узел «коллизий памяти» — явных и неявных столкновений разных концепций осмысления советского прошлого. Книга выстроена как «интеллектуальное приключение» и написана на стыке нескольких жанров: читатель найдет в ней элементы исторического исследования, культурологического анализа, мемуарного повествования и публицистики.

ISBN 978-5-446-91564-4

© И.А. Флиге, 2019

© О.Р. Николаев, предисловие, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

О. Николаев

Место памяти: герменевтика и драматургия (предисловие)	5
От автора	11
Акт первый. Потаенная память	14
Тайна приговора, казни, захоронения... ..	14
«...и человек исчезал навсегда»	17
Четыре смерти Евгении Мустанговой	20
Акт второй. Имя — дата — место	23
«Где могилы наших отцов?»	23
Память Карелии: архивные находки Чухина	24
Память Карелии: поиск захоронений	28
Память Соловков: сообщество помнящих	31
Обретение протоколов	35
Операция по разгрузке Соловецкой тюрьмы: реконструкция-2018	37
От списка к биографиям	46
Следы декабрьского и февральского расстрелов	50
Поиски «пропавшего этапа»: начало	52
Дело капитана Матвеева	54
Акт третий. Материализация памяти. Сандормох	65
«...таким местом действительно может быть карьер в районе 16-го км»	65
1 июля 1997 года: захоронению было дано имя — Сандормох ...	70
«...в целях увековечения...»	73
Открытие мемориального комплекса	76
«...Люди могут побеждать, но для этого нужно найти пропавший этап»	80

Акт четвертый. Мемориальное кладбище «Сандормох»: сценарии и коллизии.	81
Жизнь места памяти	81
Этноконфессиональные знаки памяти: хроника установки	87
Феномен безымянности.	93
Коллизии украинской памяти.	94
«Люди, не убивайте друг друга»	102
Странный памятник со странной судьбой...	104
5 августа — Международный День памяти: траурные церемонии и поминальные обходы.	107
Мемориальное пространство Сандормоха: посещения, дополнения, обновления	112
Образ Сандормоха: промежуточные итоги	114
Акт пятый. Память о жертвах террора как форма сопротивления.	116
Сандормох после Крыма и Донбасса	116
Новые смысловые коллизии	118
«Кто именно был расстрелян и кем — вопрос пока открытый»	123
Сандормох — место политического и гражданского сопротивления.	128
Фотоальбом.	133

Место памяти: герменевтика и драматургия (предисловие)

Книга Ирины Флиге, несомненно, уникальна среди работ, посвященных сталинским репрессиям.

Во-первых, объектом исследования становится не история репрессий как таковых, а феномен «места памяти» как живого социокультурного явления, «внутренняя драматургия которого наполнена напряженными диалогами, спорами и конфликтами культурной памяти и истории». То, что обычно является конечной целью традиционного исследования, посвященное Большому террору, — выявление имен расстрелянных, восстановление их биографий, поиск места расстрела и места захоронения — для Флиге веха в биографии «места памяти». Собственно, и сами архивные и экспедиционные изыскания являются фактически формами памяти. Автор не только подробно описывает, как возникло «место памяти» Сандормох, но не менее подробно анализирует, как «место памяти» обретает собственную память — «память места».

Во-вторых, фактически только в этой книге (как и в других работах Флиге) подробно описывается и анализируется жизнь «места памяти»: обустройство, установка памятников, их концепты, воплощающиеся в художественном образе, архитектурной композиции, текстах, и их «биографии», проведение церемоний и возникшие поминальные практики. Автор применяет здесь метод антропологической герменевтики памяти, выявляя и комментируя драматические перипетии, связанные «с поисками смыслов, привязанных к этому месту». Важно, что эта герменевтика основана на включенном наблюдении: Ирина Флиге не только автор книги о Сандормохе — она и одно из главных действующих лиц этой «истории=драмы».

В-третьих, книга Ирины Флиге является методологически значимой для подобных исследований феномена памяти

XX столетия. Феномен рассматривается в исторической протяженности, в осложнениях и трансформациях. Фактически Флиге создана «историческая модель» форм памяти о событиях советской истории: формулы-мифологемы («тридцать седьмой», «десять лет без права переписки» и др.), порожденные «триадой беспамятства» эпохи Большого террора (тайна приговора, тайна казни, тайна захоронения) — поисковые формы памяти (архивные изыскания, экспедиции) — возникновение мемориального пространства — «разноголосие» памятей в этом пространстве, порожденное поиском идентичностей, — идеологические вторжения в «место памяти» — память о жертвах террора как форма сопротивления террору... — открытый финал...

Чуть ли не первое, что бросается в глаза при прочтении книги Флиге, — это разноголосица дискурсов. Определить жанровую доминанту оказывается непростой задачей. Впрочем, жанровое противоречие с самого начала заявлено автором — история или драма: «Я попыталась здесь проследить историю Сандормоха как драму места памяти».

В повествовании Флиге огромное количество «чужих» дискурсов. Документы НКВД: приказы, протоколы, акты, справки, телеграммы, предписания... Они приводятся большими фрагментами или даже целиком. «Второй акт» перенасыщен энкавэдэшными бумагами и создает жутковатое ощущение репрессивно-бюрократического уничтожения и человеческой жизни, и памяти о ней.

Воспоминания, письма, устные рассказы... Они свидетельствуют о неуничтоженной памяти.

Выступления на днях памяти, статьи, надписи на памятниках... Это тексты, утверждающие право памяти.

Само авторское повествование тоже неоднородно — оно «раскачивается» от «детективных историй» архивных и экспедиционных поисков до статичных «списков» и «перечислений», от личных воспоминаний и «лирических отступлений» самой Флиге до скрупулезной антропологической герменевтики памятников...

«История=драма» места памяти оказывается «амальгамой» дискурсов и жанров. Мне кажется это симптоматичным: память о государственном терроре в России и не может быть подчинена какому-либо одному началу, она действительно драматична и драматургична.

Но все-таки в книге Флиге есть дискурсивная доминанта. Это дискурс поиска — сначала поиска места, позже поиска смысла. Правда, чтобы найти место, нужно было не только вскрыть захоронения, но и смыслы документов, эти захоронения скрывающие. Поэтому можно сказать, что книга Ирины Флиге подчинена тотальному пафосу объяснения. Именно объяснительная модель является доминантой повествования.

Императив объяснения, выявления смысла заводит автора в стороны, на боковые пути, в, казалось бы, не столь значимые детали, так как надо попытаться и дешифровать документальный дискурс НКВД, и разобраться в этноконфессиональных коллизиях памяти, и дать герменевтический комментарий измененной надписи на памятнике... Вследствие этого повествование, казалось бы, частенько отступает от основной событийной канвы, но это только кажется, так как главная интрига и заключена в логике объяснения, а она отнюдь не проста и не линейна.

Эту жанровую «разноголосицу» Ирина Флиге вставляет в метажанровую «раму» — не только дает название «Драматургия смыслов», но и подчиняет свою книгу драматургической структуре, вводя пять актов и определяя для каждого обстоятельства действия: место, исторический контекст и смысловые доминанты.

Конечно, «драматургия» — это в первую очередь метафора. Но ее развертывание в структуру заставляет всерьез задуматься об аналогиях с драмой. «Пять актов» отсылают к классическому жанру трагедии. Трагическая эпоха репрессий, казалось бы, вполне этому соответствует. Но трагедия как жанр отнюдь не свойственна русской традиции, о чем задумывался еще Пушкин, задавая вопрос: «Отчего же нет у нас н.<ародной> трагедии? Не худо было бы решить, может <ли> она и быть».

Разработанная еще Аристотелем концепция трагической вины, которую принимает на себя не злодей, а обычный чело-

век, и встает на путь ее искупления, явно не прививается на русской почве. А если нет трагической вины, то нет и катарсиса, а соответственно, и необходимого для жанра финального выхода на новый уровень исторического и вообще человеческого существования. «Борис Годунов» фактически оказался пушкинским экспериментом, доказывающим невозможность жанра трагедии в русской литературе. Знаменитая ремарка «Народ безмолвствует» фактически свидетельствует об антикатарсисе и о том, что русская история «ходит по кругу», а не развивается по спирали.

«История=драма» Флиге также разворачивается явно по «годуновской модели». Достаточно выписать «формулы памяти» по всем пяти актам, чтобы увидеть эту «антикатартическую» логику.

Акт первый: «тридцать седьмой», «десять лет без права переписки», «Соловки», «затопленная баржа».

Акт второй: «Где могилы наших отцов?»

Акт третий: помнить вместе, помнить здесь.

Акт четвертый: здесь в общих могилах лежат люди разных национальностей и разных вероисповеданий.

Акт пятый: Гулаг продолжается.

История Сандормоха как места памяти символически концентрирует в себе общую историю памяти о Большом терроре и эпохе сталинских репрессий. Флиге так характеризует «главное свойство памяти о терроре в современном российском массовом сознании»: «...есть трагедия, есть невинные жертвы этой трагедии, — *но преступления нет и преступников тоже нет*». По сути, это и есть память о трагической эпохе вне трагической вины, а соответственно, вне ее искупления и без катарсиса.

Упоминание об иной позиции — например, польской делегации на днях памяти — только подчеркивает антитрагедийную природу российской памяти: «Представительство и участие в церемониях посольств и консульств разных стран мотивировано не столько тем, что здесь лежат их соотечественники и те, кого они считают “своими”, сколько памятью об одной из гуманитарных катастроф XX века и памятью о преступлениях против человечности».

Но в книге Ирины Флиге, на мой взгляд, драматургическая природа присутствует не только в отсылке к жанру трагедии. В «истории» Сандормоха можно увидеть и черты еще одного жанра — героической драмы. Ее герой — сама человеческая память, претерпевающая и государственное «беспамятство», и различия этноконфессиональных идентичностей, и современные идеологические трансформации. Она равна себе как настоящий герой героической драмы и воплощается в своих проводниках, в людях, ее восстанавливающих из забвения, сохраняющих и транслирующих. Они и есть настоящие герои «истории=драмы» Сандормоха, как и самой книги. Среди них родственники расстрелянных, И.И. Чухин, Ю.А. Дмитриев, В.В. Иофе, сама Ирина Флиге, множество их соратников и единомышленников...

В выступлении В.В. Иофе на открытии мемориального кладбища 27 октября 1997 года фактически сформулирован императив этой героической драмы памяти:

«60 лет назад великая мировая держава захотела уничтожить тысячу человек так, чтобы даже памяти о них не оставалось. У нее были все возможности государства, у них — только сила собственной личности. Сегодня мы знаем поименно и всех жертв, и всех приговоривших, и всех исполнителей, и тех, кто возил, и тех, кто стрелял, — всех. Это значит, что эти люди победили, что люди вообще могут побеждать, но для этого нужно одно — найти пропавший этап».

Через двадцать лет, в 2017 году, в День памяти Ирина Флиге переформулирует этот императив — сохранить память о «пропавшем этапе» в ситуации, когда ей угрожает идеологическая опасность:

«А 20 лет назад нам казалось, что Сандормох, это место, эти акции памяти — это черта между прошлым и сегодняшним настоящим. Но сегодня, к сожалению, мы должны признать: память о терроре не стала памятью. <...> Сегодня мы обойдем все памятники, положим цветы ко всем памятникам всех национальностей и всех конфессий, мы расскажем этим людям, которые здесь лежат, что нам удалось сделать за 20 лет и что — пока нет, но мы обязательно это сделаем».

У книги Ирины Флиге открытый финал: «...мы не в состоянии предсказать, каким станет Сандормох в недалеком будущем...» Но законы жанра все-таки существуют. И у памяти как героя героической драмы обязательно будут люди, ее защищающие, транслирующие и объясняющие все, что с нею происходит...

Олег Николаев

От автора

Урочище Сандормох в окрестностях Медвежьегорска (Карелия) — место массовых расстрелов и захоронений в годы Большого террора. Здесь казнены 5130 жителей Карелии, заключенных и трудпоселенцев Белбалтлага; осенью 1937 года здесь же был расстрелян «соловецкий этап» — 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения.

По замыслу палачей, память об этих людях должна была быть вытравлена из народного сознания, сами они забыты, а место захоронения должно было оставаться скрытым навсегда.

Но сегодня мы знаем это место, а тех, кто лежит здесь, можем назвать поименно — это 6241 имя.

Я написала историю Сандормоха как драму, длящуюся более 80 лет. В ее первых двух актах еще нет слова «Сандормох» — оно появляется позже, но совокупность смыслов, привязанных к этой драме, уже начала складываться, и группа (еще не сообщество) «помнящих» уже существует. В третьем и четвертом актах может показаться, что лесное урочище обрело свой окончательный образ. В пятом акте, последнем в моей книжке, но, очевидно, не в реальной жизни, обстоятельства меняются; по сути, он не завершает драму Сандормоха, содержит не развязку, а, быть может, лишь прелюдию к ней. Пьеса еще не окончена.

«Места памяти», согласно трактовке Пьера Нора, это места, на которых складывается память сообщества. «Местами памяти» могут быть и становятся таковыми не только (и не столько) географические точки, но и люди, события, книги, предметы.

Главная функция «мест памяти» (*lieux de mémoire*) — сохранять память групп и сообществ. Они призваны создавать или вмещать в себя представления общества о самом себе и своей истории. Совокупность смыслов, привязанная к месту памяти,

может меняться во времени, обрастать деталями и подробностями, дополняться новыми смыслами. С течением времени может измениться состав и групп, и сообществ «помнящих». Места памяти — это живое социокультурное явление, внутренняя драматургия которого наполнена напряженными диалогами, спорами и конфликтами культурной памяти и истории.

История обретения Сандормоха тесно связана не только с чисткой заключенных Белбалтлага, не только с социально-политической прополкой Карелии, но и с историей Соловецкой тюрьмы особого назначения. А Соловки — это не просто место страданий и гибели, это еще и место борьбы. Борцов было очень немного, но они были. И кто-то (пока тоже немногие) принимает на себя и это наследие — наследие погибших борцов. Поэтому Сандормох — это еще и место солидарности с сегодняшними политическими заключенными. С Юрием Дмитриевым. С Оюбом Титиевым. С десятками и, увы, уже сотнями других.

Сегодня в России нет памяти о государственном терроре советской эпохи, вместо нее у нас — наследование прошлого. Кто-то принимает на себя наследие жертв, кто-то — наследие убийц. И пока дела обстоят так, Сандормох — это не место памяти. Сандормох — это место преступления, оставшегося не только безнаказанным, но и, по сути, неназванным.

Мы отказываемся принимать в наследство «причастие буйвола». Но мы отказываемся принимать и наследие жертв. В Сандормохе мы причащаемся (в точном и прямом смысле слова — становимся причастны) к борьбе за правду. Сандормох — это место борьбы. И только победив в этой борьбе, мы будем вправе назвать его «местом памяти». Не жертв и не героев. А просто мемориальным кладбищем — местом памяти о когда-то убитых здесь людях, наконец нашедших свои имена и свои могилы.

* * *

История Сандормоха — это и моя личная история, длиной в тридцать лет, и началась она во время первых Дней памяти 1989 года на Соловках. Для меня история и память — это не

про ужасы и кошмары прошлого, не про войны и катаклизмы, это про сегодня — про любовь, дружбу, сопереживание и сопонимание. Про ответственность, про интеллектуальную честность и точность в поисках смыслов.

Эта книга написана по мотивам доклада, сделанного в сентябре 2017 в Варшаве, на конференции «Польская операция НКВД». Но мне не удалось бы превратить доклад в книгу без помощи моих друзей и коллег — Андрея Блинушова, Александра Даниэля, Елены Кондрахиной, Татьяны Косиновой, Сергея Кривенко, Льва Крыленкова, Евгении Кулаковой, Светланы Кульчицкой, Ирины Левинской, Татьяны Моргачевой, Олега Николаева, Никиты Охотина, Юлии Середы, Николая Соколова, Александра Ходота; я искренне благодарна им всем за их советы, критику и поддержку.

Ирина Флиге

Акт первый

ПОТАЕННАЯ ПАМЯТЬ

Время действия:	1937–1956–1986
Исторический контекст:	годы террора, годы умалчивания
Интенция памяти:	хранить память о «своих» — убитых, исчезнувших, сгинувших; узнать о судьбе
Формулы памяти:	«тридцать седьмой», «десять лет без права переписки»; «Соловки», «затопленная баржа»

Тайна приговора, казни, захоронения...

Судьбы казненных в ходе так называемых массовых операций НКВД 1937–1938 годов в течение многих десятилетий оставались неизвестными для всех людей, так или иначе связанных с расстрелянными: близких, остававшихся на воле; однодельцев, приговоренных к лагерным срокам; случайных сокамерников в следственных тюрьмах.

Государственной тайной был сам факт расстрела. Вначале родственникам казненных отвечали: «не числится». С 1939 года устно сообщали об «осуждении к 10 годам лишения свободы без права переписки». С осени 1945 года на их запросы стали отвечать, что их муж, сын, брат, отец... умер во время отбывания лагерного срока в 1942 году от туберкулеза, или в 1943 от инсульта, или в 1944 от воспаления легких. Отвечали по большей части тоже устно. Если же родственники настаивали на получении официального документа, им выдавали фальшивые свидетельства о смерти. В 1955 году, в разгар хрущевской реабилитации, эта практика была подтверждена специальным приказом¹.

¹ Директива Председателя КГБ №108 от 24 августа 1955 года «О порядке рассмотрения запросов граждан о судьбах репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания» // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т.1: Март 1953 — февраль 1956. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С.254–255.

Фотоальбом

Момент истины: первые минуты после обнаружения расстрельной ямы.
Сандормох. 01.07.1997. Фото Вениамина Иофе.

Юрий Дмитриев во время раскопок в урочище Сандормох. 01.07.1997.
Фото Вениамина Иофе.

Столбик с номером на расстрельной яме урочища Сандормох. 02.07.1997.
Фото Вениамина Иофе.

Открытие Мемориального кладбища: выступает глава местного самоуправления Медвежьегогорского района Гурген Андронович Гулиев. 27.10.1997. Фото Татьяны Косиновой.

Делегация Украины у памятного креста 27.10.1997. Фото Евгения Уварова.

*«Пока не будет прочитана последняя строка,
занавес не может опуститься...»*

Из кинофильма «Якоб-лжец»
(1999; Франция, Венгрия, США).
Режиссер — Петер Кассовиц.

Ирина Флиге
Сандормох: драматургия смыслов

Редакторы — А.Ю. Даниэль, О.Р. Николаев
Корректоры — Е.В. Русакова, Т.М. Моргачева, Д.М. Капитонов
Художественное оформление и верстка — А.Ю. Ходот

В книге приведены фотографии,
сделанные разными авторами и переданные ими
в архив Научно-информационного центра «Мемориал»:
А. Артемьевой, К. Басс, К. Баур, З. Богумил, А. Букаловым,
Э. Вангенгейм, А. Гагариновой, В. Грибовским, А. Дембовской,
Д. Долгополовым, Я. Дроздом, В. Иофе, Е. Исаевым, Н. Киселевой,
Я. Кобрынем, Е. Кондрахиной, Т. Косиновой, Е. Кулаковой,
О. Мисилюком, А. Соло, Е. Уваровым, И. Флиге, Д. Френкелем,
А. Черкасовой, Н. Шкуренко, О. Юрковой.

Подписано в печать 14.06.2019. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13
Тираж 1000 экз. Заказ № 1754

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86